

Kolobov Aleksander, рецензия на книгу: *The Roman and Byzantine Army in the East*, ред. Е. Дąbrowa, Kraków, Uniwersytet Jagielloński, 1994, ss. 311, „Balcanica Posnaniensia. Acta et Studia” 1995, т. 7, с. 404–407.

<https://doi.org/10.14746/bp.1995.7.48>

<https://pressto.amu.edu.pl/index.php/bp/article/view/54248>

Instytucją przechowującą materiały źródłowe jest Biblioteka Collegium Historicum Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.

<http://bch.amu.edu.pl>

Zadanie zostało zrealizowane w ramach konkursu „Społeczna odpowiedzialność nauki II – Wsparcie dla bibliotek naukowych”. Projekt zatytułowany „Digitalizacja archiwalnych wydań czasopism naukowych zgromadzonych przez Bibliotekę Coll. Historicum UAM”. Projekt dofinansowany ze środków budżetu państwa, przyznanych przez Ministra Nauki w ramach Programu Społeczna odpowiedzialność nauki II. Wsparcie dla bibliotek naukowych (umowa nr BIBL/SP/0092/2024/02 z dnia 05.12.2024). Całkowita wartość projektu: 247 236,00 zł. Kwota dofinansowania: 220 836,00 zł.

The institution storing the source materials is the Library of the Collegium Historicum of the Adam Mickiewicz University in Poznań.

<http://bch.amu.edu.pl>

The task was carried out within the framework of the competition “Social Responsibility of Science II – Support for Scientific Libraries”. The project entitled “Digitization of archival editions of scientific journals collected by the Library of the Coll. Historicum of Adam Mickiewicz University”. The project was co-financed from state budget funds granted by the Minister of Science within the framework of the Programme Social Responsibility of Science II. Support for Scientific Libraries (agreement no. BIBL/SP/0092/2024/02 of 05.12.2024). Total value of the project: PLN 247,236.00. Amount of co-financing: PLN 220,836.00.

UNIwersYTET
IM. ADAMA MICKIEWICZA
W POZNANIU

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Społeczna
Odpowiedzialność
Nauki II

– ekonomicznego i kulturowego, jako festynu. Autorka wnikliwie pokazała socjologiczne konsekwencje tego faktu. (5) J. Koder, „*Wer ander eine Grube gräbt...*” – *Die Bezeichnung βόθρος im „Eparchikon Biblion”* (s. 71-76). Koder stwierdza, że znalezienie ekwiwalentu dla terminu βόθρος nie jest proste, a cytowane przysłówie jest tylko pretekstem do dalszych poszukiwań. Artykuł uzupełniono przekładem „Eparchikon Biblion”. (6) H. Eideneier, *Ptochoprodromos’ Tafelfreud und Tafelleid* (s. 77-90). Także w tej rozprawce spotykamy rozważania językowe, tym razem o stole i przekład Ptochoprodromosa. (7) A. Kazhdan, *Der Körper im Geschichtswerk des Niketas Choniates* (s. 91-105). Autor poszukuje w dziele Niketasa Choniatesa odpowiedzi na następujące pytania: Co wiemy o wyobrażeniach Bizantyjczyków o ciele? Co oni myśleli o ciele? Co myśleli o ciele z krwi i kości z pominięciem sensów teologicznych? Jakie miejsce zajmowało owo wyobrażenie w obrazie świata? Jakie doczesne funkcje ciała interesowały Bizantyjczyków najbardziej? Ponieważ nie jest to traktat filozoficzny lub dzieło o fizjologii człowieka, analizie można było poddać tylko pojęcia stosowane w figurach retorycznych, zwłaszcza metaforach. Statystyczna metoda badań nie jest być może optymalnym rozwiązaniem, pozwala wszak zidentyfikować pewien system pojęć. (8) F. Winkelmann, *Über die körperlichen Merkmale der gottbeseelten Väter. Zu einem Malerbuch aus der Zeit zwischen 867 und 913* (s. 107-127). Dziełem, które wymieniono w tytule, zajmowano się już wielokrotnie od momentu jego wydania (1861). Autor, jak sam pisze (s. 107), przystąpił do jego bardziej intensywnego wykorzystania. Już w tytule zaznaczony terminus a quo 836 r. jest nowym głosem w dyskusji. (9) V. von Falkenhausen, *Petri Kettenfeier in Byzanz. Phantasien über ein Apostelfest* (s. 129-144). Autorka zajęła się powstaniem tradycji święta zrzucenia łańcuchów przez św. Piotra. Prześledziła źródłową recepcję tego wydarzenia i los samych relikwii. Ostrożnie stawia tezę, że święto to wprowadzono w Konstantynopolu za Bazylego I, w części ze względów politycznych. (10) G. Dagron, *Das Firmament soll christlich werden. Zu zwei Seefahrtskalendern des 10. Jahrhunderts* (s. 145-156). „Bez wątpienia niebo trudniej jest schrystianizować niż ziemię” pisze Dagron (s. 145). W istocie, nawet w pismach Ojców Kościoła łatwo przekraczano granicę między symbolicznym a heretyckim sensem imion, które nadawano obiektom firmamentu. „Niebo najwyraźniej obojętnie pozwalało współwystępować obok siebie elementom pogańskim i chrześcijańskim” (s. 146). (11) G. Podskalsky, *Ruhestand oder Vollendung? Zur Symbolik des achten Tages in der griechisch-byzantinischen Theologie* (s. 157-166). Symbolika liczb jest nieco obca współczesnemu człowiekowi, zauważa Podskalsky (s. 157), ale w kręgu grecko-bizantyjskim, a także łacińskim, stanowiła ona w literaturze i sztuce centralny punkt wszelkich interpretacji. W tej mnogości odniesień jest rzeczą interesującą, na jakich fragmentach Starego Testamentu opierali się Bizantyjczycy nadając liczbie osiem sens symboliczny. Rozważaniami objął autor spuściznę od Teodoretę do Grzegorza Palamasę.

Bizantyjniści oraz przedstawiciele innych dyscyplin otrzymali do rąk zbiór artykułów o bardzo różnorodnej problematyce. Są to studia najczęściej bardzo wnikliwe. Stanowią one znakomite uzupełnienie kilku prac, które ukazały się w ostatnim czasie i odnoszą się do życia codziennego w Bizancjum.

Kazimierz Ilski

The Roman and Byzantine Army in the East, ed. by E. Dąbrowa, Kraków, Uniwersytet Jagielloński, 1994, ss. 311.

В сентябре 1992 г. в Ягеллонском университете состоялся представительный международный colloquium, результатом которого явился выход сборника научных статей *Армия Рима и Византии на Востоке*. В издании приняли участие археологи, эпиграфисты, исследователи нарративной традиции из Польши, Великобритании, США, Франции,

Австралии, ФРГ, Италии и Израиля. Стержневой темой большинства работ из настоящего сборника является один из крупнейших геополитических конфликтов античности – противостояние Рима и Парфии, а затем Византии и Сасанидского Ирана на хронологическом отрезке от I в.н.э. до начала VII в.н.э.

Основная часть публикаций связана с римской армией на Ближнем Востоке эпохи принципата. До последнего времени недостаток археологических, эпиграфических данных не позволял в деталях представить организацию обороны Римской империи на парфянской границе, в частности, дислокацию некоторых легионов и вспомогательных частей, особенности комплектования армии на Востоке. Представленные для обзора работы наглядно демонстрируют, что в последние десятилетия ученым удалось добиться значимых успехов в стирании белых пятен в военной истории востока Римской империи и прилегающих территорий.

В статье Д. Френча *Легион III Gallica* анализируется система расположения римских легионов в Сирии и на Евфрате в период от Веспасиана до Траяна и, конкретно, место в ней III Галльского легиона. Опираясь на данные археологии и эпиграфики, автор ставит под сомнение заключение Й. Вагнера, согласно которому этот легион неотлучно находился в столице Коммагены Самосате с момента римской оккупации. По мнению автора, легион мог находиться как в Самосате вместе с *XVI Flavia*, так и в Зевгме вместе с *IV Scythica*. Эпиграфический этюд J.-P. Rey-Coquais *Лаодикея и римская армия* показывает, что средиземноморская Лаодикея была не только важным военным портом римлян на востоке, но и крупным центром сосредоточения сухопутных сил. Лаодикея, в гарнизоне которой сменялось несколько легионов, служила стратегическим резервом и крупнейшей продовольственной базой для римских крепостей на Евфрате. Статья М. Бараньского *Римская армия в Пальмире* основана, преимущественно, на результатах работы польских археологов в 1960-90-х гг. Автор убедительно показал в деталях, как характерная для римлян на востоке практика размещения легионов на территории крупных городов привела к деформации планировки, а затем и к депопуляции некогда цветущей Пальмиры.

Э. Дамброва в статье *Bellum Commagenicum et Ornamenta Triumphalia M. Ульпия Траяна* рассматривает малозвестный эпизод в карьере отца будущего императора Траяна и одного из ближайших сподвижников Веспасиана. Обращая внимание на необычно быструю смену в Сирии нескольких губернаторов – опытных военачальников, а также на удивительно высокий уровень награды Траяна-старшего со стороны Веспасиана, автор приходит к сенсационному выводу о неизвестной прежде ученым римско-парфянской войне на территории Коммагены в 73 г.н.э. Если предположение Э. Дамбровы верно, а выглядит оно обоснованно, то в связи с проблемой дислокации III Галльского легиона необходимо учитывать и эту информацию.

Проблема комплектования легионов на территории Малой Азии при Северах рассматривается в статье С. Митчелла. Опираясь на данные эпиграфики, автор высказывает, что легионеры-уроженцы Анатолии происходили, главным образом, из малонаселенных, неурбанизированных горных местностей. С. Митчелл объясняет это тем, что при Северах рекрутирование осуществлялось в форме таксации: те регионы, которые не могли платить денежные налоги, должны были выделять людей для военной службы. Автор обращает внимание, что вербовкой рекрутов порой занимались не государственные чиновники, а частные лица, на которых местные общины возлагали эту повинность в виде литургии.

В работе П. Варон *Emptio Ancillae/Mulieris римскими солдатами* рассматривается правовой аспект взаимоотношений между солдатами (главным образом, легионерами), а также их рабынями и вольноотпущенниками. Анализируя юридические и эпиграфические памятники, автор приходит к выводу, что солдаты приобретали рабынь, как правило, с целью вступления с ними впоследствии в брак. Подобно большинству юристов, П. Варон представляет проблему „солдатских семей”, как она выглядит через призму

правовых источников, то есть, несколько статически и не различает специально солдат легионов, ауксилиариев, военных моряков и т.д. Интересна предпринятая автором интерпретация правового смысла терминов, позволяющих судить о характере отношений между солдатами и их подругами.

Серьезной проблеме включения в состав римской армии туземных воинских формирований посвящены работы Д. Кеннеди и Д. Графа. Один из ведущих авторитетов по проблеме комплектования римских войск на востоке – Д. Кеннеди представлен в данном сборнике статьей *Когорта XXX Palmyrenorum в Дура Европос*. На основе богатого источникового материала, связанного с этой частью, автор уточняет дату включения ее в состав римской армии. Рассмотрение данных об увольнении и рекрутировании привело Д. Кеннеди к заключению, что через 10 лет после образования когорты-квингеннария была фактически удвоена, хотя структура ее осталась прежней. В статье приводятся новые аргументы в пользу „циклической” концепции рекрутирования и увольнений в римской армии. Д. Граф в обширной публикации *Набатейская армия и Cohortes Ulpiae Petraeorum* пересматривает характерный для античных авторов скепсис по отношению к боевым качествам набатейской армии. Скрупулезный анализ сообщений Страбона и Иосифа Флавия, использование новейших данных археологии, введение в научный оборот эпиграфического материала на арамейском языке позволяют автору успешно справиться с труднейшей задачей: реконструировать организацию набатейской армии, выявить военную основу тамошней монархии, восстановить подлинную военную историю Nabatei. Д. Граф убедительно доказал, что войско Nabatei, созданное по образцу эллинистических, а затем и римской армии, было профессиональшим, несмотря на немногочисленность, высокоэффективным, неоднократно побеждавшим превосходящие силы соседних государств. Поэтому неудивительно, что после аннексии Nabatei Траян превратил элитные части местного войска во вспомогательные когорты римской армии.

В статье М. Гавликовского *Хатра: крепость в Месопотамии* рассматривается процесс фортификации Хатры – столицы небольшого арамейского государства. Опираясь на результаты работы польской археологической экспедиции в сезоне 1990 г., автор приходит к выводу, что мощные укрепления Хатры были построены в середине II в.н.э. под влиянием перманентной угрозы со стороны римлян. Именно фортификация Хатры, по мнению М. Гавликовского, обеспечила процветание города и сохранение самостоятельности государства до середины III в.н.э. В работе Э. Кеттенхофена *Некоторые соображения о антиримской политике Сасанидов в III в.н.э.* на основе анализа античной традиции и пропагандистских рельефов первых Сасанидов утверждается тезис, что их упорное стремление овладеть Арменией, Сирией и Месопотамией было обусловлено идеологической установкой на восстановление территориального единства древней империи Ахеменидов.

Работы А. Левина и Ж.-Ф. Салле непосредственно не связаны с военной тематикой, однако касаются серьезной проблемы определения границ римского влияния на востоке. В статье *Организация римской территории: южный участок провинции Аравия* А. Левин доказывает, что римские владения в Аравии простирались дальше, чем принято считать в современной науке. Автор черпает аргументацию из данных античной традиции и археологии. По мнению А. Левина, римское господство в регионе строилось на системе сепаратных соглашений с арабскими племенами и не нуждалось в военной оккупации. Автор предполагает, что на основе сложившегося в период римского владычества своеобразного территориального деления в византийский период возникли т.н. „*klimata*”. Предложенная А. Левиным концепция выглядит привлекательно, однако, на наш взгляд, нуждается в дополнительной аргументации. В работе Ж. Ф. Салле *Fines Indiae...* анализируется эволюция античных представлений о границах Индии. Автор показывает, как по мере проникновения римлян в район Персидского залива в античной традиции

выходит из употребления идущее из мифов понятие *Эритрейское море* и ему на смену для обозначения Персидского залива приходят различные термины, связанные с Индией. Такую терминологическую эволюцию автор объясняет все более тесным знакомством римлян с миром Среднего Востока, а также сегментарным характером античной навигации.

Особое место на страницах рецензируемого издания, на наш взгляд, принадлежит работе Дж. Либешуэтца *Реализм и фантазия: De Rebus Bellicis неизвестного автора и ее судьба*. Автор статьи старается определить время возникновения данного сочинения, его жанр, цели написания. Обнаруженная Дж. Либешуэцем близость данного текста по стилю и содержанию к речам Фемистия позволяет датировать его 2-й пол. IV в.н.э. Тщательный анализ источника приводит автора к сенсационному выводу, что, вопреки общепринятому мнению, DRB не является военным трактатом, и все предлагаемые новшества в военной технике невозможны на практике. Военно-политическая программа, представленная анонимом, и обычно трактуемая как эксцентрическая, по мнению исследователя, является новаторской и, наряду с речами Фемистия, относится к документам, подготавливавшим пересмотр оборонной стратегии Империи при Феодосии I. Характер сочинения учепый обоснованно определяет как памфлет, призванный возбудить общественное мнение и привлечь внимание правящей элиты.

Работы Дж. Говарда-Джонсона, Мэри и Майкла Уитби связаны с заключительной фазой грандиозного противостояния между Византией и Сасанидским Ираном на рубеже VI-VII вв. н.э. В статье Майкла Уитби *Персидский правитель на войне* выясняются причины и последствия странного, на первый взгляд, закона о неучастии главы государства Сасанидского Ирана в войнах, принятого Хосровом I в 576 в. н.э. Автор выяснил, что, ошеломленный нанесенным ему разгромом, Хосров I решился на ряд реформ по образцу государства противников – Византии. Такие меры, как реформа налогов, привлечение в армию иностранцев, а христиан – в администрацию, по мнению автора, должны были укрепить слабеющую империю Сасанидов. Закон о запрещении царю принимать участие в военных действиях также был скопирован с Византии и имел целью сохранение престижа правителя даже в случае неудачных войн. Этот закон, как полагает автор, имел фатальные последствия. В отличие от Византии с мощным военно-бюрократическим аппаратом, в государстве Сасанидов власть правителя базировалась, прежде всего, на его авторитете полководца, как в эллинистических монархиях. Устранившись от военных дел, Сасаниды сохранили свой царский престиж, но испортили отношения с персидской знатью и потеряли контроль над армией, что, по мнению М. Уитби, и предопределило катастрофу государства в недалеком будущем. Соглашаясь с автором в оценке данной новации Хосрова I и отдавая должное предъявленным аргументам, думается, что существовали и иные, не менее значимые причины крушения державы Сасанидов.

В центре внимания работ Дж. Говарда-Джонсона и Мэри Уитби находится персидская кампания императора Ираклия, представленная через призму исторических сочинений Георгия Писидийского. Оба автора разделяют идею, что война Ираклия с персами послужила границей между миром античности и средневековья. М. Уитби в статье *Новый образ новой эпохи: Георгий Писидийский об императоре Ираклии* акцентирует внимание на разрыве античных традиций при написании панегирика и создании нового христианского образа императора-победителя. Дж. Говард-Джонсон также основное внимание уделяет новаторским элементам в сочинении Георгия Писидийского. В качестве таковых автор называет опору, прежде всего, на официальные документы, а не на устные свидетельства очевидцев, а также введение поэзии в историческое сочинение. В последнем случае необходимо, однако, помнить, что в римской историографии существовала „поэтическая” традиция (Энний, Лукан). В целом, думается, М. Уитби и Дж. Говард-Джонсон убедительно показали специфику переходного момента, когда при сохранении существующих социально-экономических отношений перемены происходили прежде всего в ментальности интеллектуальной и правящей элиты.

Таким образом, представленные в сборнике *Армия Рима и Византии на востоке* статьи наглядно отражают современный уровень разрешения проблем, связанных с военно-политической историей Ближневосточного региона во время зрелой и поздней античности. Есть все основания ожидать, что настоящее издание станет заметным явлением в мировой историографии античности и византиноведения. Можно только поздравить античников и византинистов Ягеллонского университета, на которых легла основная тяжесть работы с подготовкой сборника к публикации, с удачным свершением и надеяться, что продолжение не заставит себя ждать.

Aleksander V. Kolobov

John C. Lamoreaux, *An Unedited Tract against the Armenians by Theodore ABŪ Qurrah*, Le Muséon. Revue d'Études Orientales. Tome 105 – Fasc. 3-4, 1992, s. 327-341.

Teodor Abū Qurrah, jeden z najważniejszych wczesnochrześcijańskich pisarzy arabskich, urodził się w Edessie koło roku 725, a zmarł krótko po roku 829. Swą młodość spędził jako mnich w sławnym klasztorze Mar Sabas koło Jerozolimy; potem został biskupem Harran. Abū Qurrah był pisarzem niezwykle wykształconym i płodnym. Pisał swe rozprawy po grecku, arabsku i syryjsku. W dodatku sporo jego prac bardzo wcześnie przełożono na język gruziński.

Większość z zachowanych prac w języku greckim są to krótkie, niekiedy bardzo fragmentaryczne dialogi z różnymi herezjami. Z pism syryjskojęzycznych nie zachowało się niestety żadne. W tej sytuacji bardzo wielkie znaczenie dla badań nad arabską tradycją chrześcijańską mają jego traktaty napisane właśnie w języku arabskim.

Jako znany polemista w obronie wiary ortodoksyjnej Abū Qurrah został poproszony przez Tomasza, patriarchę Jerozolimy (807-821), do wyłożenia zasad credo chalcedońskiego dla Armeniczyków. Odpowiedni traktat został napisany między 811 a 813 rokiem i najprawdopodobniej w tym samym czasie został przełożony na język grecki przez Michała Synkellosa. Znaczenie tej polemiki polega na tym, że jej autor został zaproszony do wzięcia udziału w dysputie teologicznej, która odbyła się w roku 817 na dworze władcy armeńskiego Ashōta Msākera (zm. 826). Przeciwnikiem Teodora były traktaty broniące monofizycznego punktu widzenia, napisane przez Habība ben Khidma Abū Rā'ita (on sam nie przybył na debatę), które prezentował diakon Nonnus z Nisibis. Jak to często w takich sytuacjach bywało, według tradycji monofizycznej zwycięzcą w dyskusji był Nonnus, zaś według Gruzinów był nim Abū Qurrah. Tak współczesny, jak i historyczny oddźwięk tej dysputy był ogromny. Pamięć o niej przetrwała wiele generacji wśród różnych kościołów wschodniego chrześcijaństwa.

Dotąd badaczom był dostępny jedynie przekład grecki traktatu Teodora. Teraz J. C. Lamoreaux publikuje (z przekładem angielskim – s. 334-341) jego tekst arabski, pochodzący z 292-stronicowego manuskryptu, od 1907 roku będącego własnością Denver Public Library. Manuskrypt ten został sporządzony w 1741 lub 1725 roku (wydawca nie rozstrzygnął, czy chodzi tu o erę antiocheńską, czy też konstantynopolitańską) przez „ojca Michała, syna czcigodnego ojca Józefa” (s. 331) i zawiera różne chrześcijańskie traktaty teologiczne (m.in. Jana z Damaszku i Dionizego Areopagity) w języku arabskim.

Rzecz interesująca, porównanie greckiego przekładu Michała Synkellosa z odnalezionym tekstem arabskim pokazuje, że obie wersje są jedynie wyciągami (*selections*) z tekstu oryginalnego, który był znacznie dłuższy. Tekst grecki ekscerptował specyficznie chrystologiczne fragmenty traktatu Teodora, podczas gdy autor tekstu arabskiego preferował te części, które były poświęcone liturgii. Jest to bardzo zaskakujące, ponieważ z innych już źródeł wiadomo, że przedmiotem